

Идентификация летописной Озолицы с о. Пириссар помогает понять, почему именно из-за «обидного места» (Озолицы и Желачко) в середине XV в. вспыхнула война между Дерптским епископством и Псковом: о. Пириссар, наиболее крупный из островов Чудского озера, расположен примерно на равном удалении от дерптских и псковских берегов, на границе, как мы теперь сказали бы, территориальных вод Пскова и Дерптского епископства; к тому же мимо южного берега острова (а Желачко было расположено на южном берегу) проходил важный торговый путь (он вел от устья р. Эмайыги на дерптском берегу Чудского озера мимо Пириссара к берегам Псковщины), соединявший Псковскую землю с Ливонией.²⁶ Одним из результатов войны 1458—1463 гг. было, как уже отмечалось, закрепление власти псковичей в важном для них районе Желачко на о. Пириссар.

С. М. КАШТАНОВ

БОГОСЛОВСКАЯ ПРЕАМБУЛА ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТ

Русское «богословие» (по терминологии А. С. Лаппо-Данилевского¹), вполне тождественное invocatio западных актов, находим в духовных и некоторых данных грамотах: «Во имя отца и сына и святого духа»; «Во имя святыя Живоначальныя Троицы» (ср.: in nomine trinitatis, in gottes namen). В иммунитетных грамотах богословие в чистом виде, как правило, не встречается. Исключение составляют грамота тверских князей 60-х годов XIV в. Отрочу монастырю и повторяющая ее формуляр грамота 30-х годов XV в. тому же монастырю: «Во имя святыя Троицы — отца и сына и святого духа».²

Наличие богословия в грамоте Отрочу монастырю XIV в. показывает, что грамота имела значение не только жалованной, но и духовной. В литературе этот акт датируют временем между 1362 и 1364 гг., так как среди жалователей не упомянут сын великого князя Тверского Василий Васильевич, умерший в 1362 г., и, наоборот, фигурируют князья, скончавшиеся в моровое поветрие 1364 г.³ Вероятно, грамота составлялась в условиях морового поветрия, незадолго до смерти князей-жалователей. Намеком на тревожные обстоятельства, сопровождавшие выдачу акта, служат,

²⁶ Э. К. Паклар. Где произошло Ледовое побоище? стр. 312.

¹ А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. Пгр., 1920, стр. 135—136, также у А. Лакнера.

² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. (далее — АСЭИ), т. III. Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1964, № 116, 117. Здесь и далее без оговорок недатированные грамоты указываются с датами, принятыми в используемых нами изданиях.

³ Там же, стр. 153, прим. к № 116; ср.: Памятники русского права, вып. III. Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955, стр. 116—119.

в частности, слова преамбулы: «своего дея спасенья», «на память преставльшимся от сего житья роду нашему, а нам пребывающим в житье семь за въздоровие».

Отсутствие словесной инвокации компенсируется в ряде жалованных грамот наличием инвокации символической — изображения креста в начале текста. О распространении символической инвокации можно судить лишь по подлинникам,⁴ которые составляют только часть всех дошедших текстов, поэтому возможности исследования тут заведомо ограничены. Символическая инвокация имеется в жалованной грамоте князя Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю (около 1130 г.).⁵ Встречаем ее и в жалованных грамотах периода образования централизованного государства: в митрополичьих — с 1399 г.,⁶ в княжеских — с 1425—1427 гг.⁷

Некоторые жалованные грамоты содержат выражения типа «Святаго дея Спаса», «Святыя дея Троици», «Святого для Благовещения». В отличие от богословия в строгом смысле слова здесь, во-первых, священное имя не всегда является обозначением бога-троицы (см.: «Святого для Благовещения», «Святыя дея Богородици» и т. д.), во-вторых, подобный оборот в ряде случаев расширяется до формулировки определенной идеальной цели, сводящейся к желанию добиться либо своего спасения, либо милости бога, богородицы, патронального святого. Но и без этого расширения предлог «дея», «для» или «ради» (вместо слов «во имя») указывает на цель действия, вследствие чего вся фраза должна быть расценена как преамбула. Однако поскольку она часто стоит на месте богословия и содержит священное имя, ее можно назвать богословской преамбулой.⁸

Первые русские жалованные грамоты относятся к XII в. Их известно четыре: три Юрьеву⁹ и одна Пантелеймонову¹⁰ монастырям. В сохранившихся текстах этих грамот богословская преамбула отсутствует. Жалованных грамот XIII в. в нашем распоряжении вообще нет.

Наиболее ранний случай употребления богословской преамбулы наблюдаем в жалованной грамоте Ивана Калиты Новгородскому Юрьеву монастырю 1337—1339 гг.,¹¹ где исследуемый ком-

⁴ В копиях, за исключением отдельных ранних списков, символическая инвокация не воспроизводится.

⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949 (далее — ГВНиП), № 81.

⁶ АСЭИ, т. III, № 86.

⁷ АСЭИ, т. I. Отв. ред. Б. Д. Греков. М., 1952, № 48.

⁸ С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатики. М., 1970, стр. 40—41.

⁹ ГВНиП, № 79—81.

¹⁰ Там же, № 82; В. И. Корецкий. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю. Истор. архив, 1955, № 5, стр. 204.

¹¹ ГВНиП, № 86.

понент условного формуляра¹² слагается из двух оборотов: «... [1] бога деля [2] и святого деля Юрья» (тип Ю). В богословской преамбуле жалованной грамоты тверских князей Тверскому Отрочу монастырю 1362—1364 гг.¹³ тоже различаются два оборота: «... [1] бога деля [2] и своего деля спасенья» (тип О).

Таким образом, обе грамоты имеют общий первый оборот богословской преамбулы — «бога деля». Этот оборот не получил применения в позднейших жалованных грамотах, если не считать грамоту Отрочу монастырю 1435—1437 гг.,¹⁴ целиком основанную на формуляре цитированной грамоты 1362—1364 гг. Первый элемент рассматриваемого оборота — «бога» — не попал и в другие варианты богословской преамбулы жалованных грамот. Единственное исключение составляет преамбула грамоты суздальского князя Ивана Борисовича Спасо-Евфимьеву монастырю 1424—1425 гг.: «Святого великаго Спаса, бога нашего, милости ради честного его Преображенья».¹⁵ Однако здесь формула «бога» иного происхождения, чем в юрьевской и отроческой грамотах: она явилась результатом раскрытия предшествующей формулы — «Спаса», первичной для грамот Спасо-Евфимьеву монастырю.

Слово «божьимь» входит в состав преамбулы жалованной грамоты рязанского великого князя Олега Ивановича Ольгову монастырю 1371 г.:¹⁶ «Милосердьемь божьимь, молитвою святое богородици и молитвою отца своего князя великого Ивана Олександровича и благословленьемь епискупа Рязаньского и Муромского Василья» (тип Ол). Как видим, тип Ол противостоит типам Ю и О не только другой формой упоминания божьего имени, но и всей структурой и содержанием текста. Общность Ол с Ю ограничивается наличием сочетания двух оборотов, из которых первый оперирует именем бога, второй — монастырского патрона (в Ю им является св. Юрий — Георгий, в Ол — богородица). Обороты эти в Ю и Ол разного характера, а в Ол богословская преамбула дополнена еще двумя оборотами, где на уровне священных лиц фигурируют отец великого князя и рязанский епископ.

До конца XIV—начала XV в. богословская преамбула слабо прослеживается по источникам. Конечно, и самих актов XIV в. мало. Так, дошли тексты лишь четырех жалованных иммунитетных грамот, бесспорно датируемых XIV в. (не рубежом XIV—XV вв.). В трех из них (юрьевской, отроческой и ольговской) богословская преамбула есть. В более ранней грамоте ярославского князя Василия Давидовича Ярославскому Спасскому монастырю

¹² О типах формуляров и принципах их членения см.: С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатики, стр. 26—47.

¹³ АСЭИ, т. III, № 116.

¹⁴ Там же, № 117.

¹⁵ АСЭИ, т. II. Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1958, № 436.

¹⁶ АСЭИ, т. III, № 322.

(1320-х годов)¹⁷ богословской преамбулы нет, возможно, потому, что грамота не собственно жалованная, а докончально-жалованная (в ней после *intitulatio* идет формула «докончал есмь»).

Нет богословской преамбулы в двух меновно-иммунитетных грамотах московского великого князя монастырям XIV в.,¹⁸ что, вероятно, также объясняется спецификой документов: обычно и в XV в. богословская преамбула составляла принадлежность по преимуществу чисто иммунитетных, реже данно-иммунитетных грамот князей, мена же как тип сделки не вызывала потребности в формулировании высшей — идеальной — цели или мотивировки действия. Не отражена преамбула в записях содержания шести жалованных¹⁹ и одной докончально-жалованной²⁰ грамоты рязанских князей рязанским епископам XIV в., хотя это и непоказательно, поскольку записи отнюдь не идентичны подлинным текстам.

Не находим богословской преамбулы в двух жалованных грамотах Олега Рязанскому Солотчинскому монастырю рубежа XIV—XV вв. (1390—1401 гг.).²¹

Отсутствие ее в четырех жалованных грамотах XIV в. светским лицам²² вполне соответствует предназначению этого компонента условного формуляра, попадавшего и позднее только в грамоты духовным корпорациям. Впрочем, одна из четырех грамот XIV в. светским лицам — грамота Пскова Якову Голутвиничу 1308—1312 гг.²³ — содержит преамбулу: «... за пот и кровь». Однако такого рода преамбула должна быть названа благодарственной, а не богословской.

Богословская преамбула — явление новое для грамот XIV в. Об этом говорит как отсутствие ее в грамотах предшествующего времени, так и место в составе формуляра. В юрьевской грамоте 1337—1339 гг. она встречается дважды: в первом случае — в начале грамоты, где ей предшествуют *intitulatio* и протокольно-диспозитивная формула «пожаловал есмь», во втором — в середине акта, в одной из статей диспозиции: «А по великого князя слову волостелем их волоцким блюсти, а не обидети, бога деля и святого деля Юрья». В отроческой грамоте 1362—1364 гг. перед богословской преамбулой находятся 1) заголовок с элементами *intitulatio* и *inscriptio* («Се милостыня... Отрочью монастырю»); 2) *invocatio*; 3) *intitulatio*; 4) юридическая преамбула, близкая к *narratio* («по отца моего и нашего деда князя великого Михайловым грамотам»). В отличие от первого случая употребления богословской преамбулы в юрьевской грамоте в отроческой гра-

¹⁷ Там же, № 190.

¹⁸ АСЭИ, т. II, № 340; т. III, № 29.

¹⁹ АСЭИ, т. III, № 309, 311, 315—318.

²⁰ Там же, № 314.

²¹ Там же, № 324, 325.

²² ГВНИП, № 333; АСЭИ, т. III, № 2 (ГВНИП, № 84), 178, 238.

²³ ГВНИП, № 333.

моте этот компонент поставлен не после, а до формулы пожалования.

В юрьевской грамоте *intitulatio* и формула пожалования занимают первые места в полном соответствии с традицией: в грамотах XII и начала XIV в. *intitulatio* помещается на первом месте, протокольно-диспозитивная формула — на втором.²⁴ Отроческая грамота больше, чем юрьевская, отходит от традиции, вынося богословскую преамбулу перед формулой пожалования.

Итак, при своем возникновении в 30-х годах XIV в. богословская преамбула не заняла предназначенного для *invocatio* первого места. Ясное различие в это время богословия и богословской преамбулы видно из того, что в юрьевской грамоте богословская преамбула дважды стоит не на том месте, где полагалось быть инвокации. Особенно нагляден второй случай — помещение богословской преамбулы в середине диспозиции, чего с богословием никогда не проделывали.

В 60-х годах XIV в. обнаружилась тенденция пространственного удаления богословской преамбулы от инскрипции и приближения к *intitulatio*. Если в грамоте 1337—1339 гг. в первом случае богословская преамбула непосредственно связана с инскрипцией, т. е. прямо предшествует ей («... пожаловал есм, бога дея и святого дея Юрья, архимандрита Есиѳа и всеи братьи»), то в грамоте 1362—1364 гг. она отрезана от инскрипции протокольно-диспозитивной формулой пожалования, т. е. предшествует инскрипции не прямо («бога дея и своего дея спасенья, пожаловали есмы отца своего архимандрита, кто ни будет у святое Богородицы», — разрядка моя, — С. К.).

В дальнейшем произошел еще более решительный отрыв богословской преамбулы от инскрипции. Она была поставлена перед *intitulatio* и заняла место словесной инвокации. Такое построение характерно уже для ольговской грамоты 1371 г. и для большинства грамот XV в., содержащих богословскую преамбулу.

В XIV в. богословская преамбула могла уживаться с собственно богословием. Сосуществование этих двух компонентов наблюдается в отроческой грамоте. Не исключена возможность присутствия символической инвокации в юрьевской грамоте, если предполагать, что при ее создании учитывались предшествующие юрьевские грамоты (в грамоте Мстислава XII в. символическая инвокация была). Однако поскольку грамота Калиты дошла только

²⁴ Правда, формула «пожаловал есм» до XIV в. не употреблялась. В новгородских грамотах XII в. читаем: «дал» (ГВНиП, № 79, 80), «повелел» (там же, № 81), «испрошав» или «испрошал» (там же, № 82; В. И. Корецкий. Новый список грамоты, стр. 204). Формулу «дал» находим в рязанской грамоте 1299—1303 гг. (АСЭИ, т. III, № 309). В псковской грамоте 1308—1312 гг. появляется выражение «се жалуеса» (ГВНиП, № 333). И только с 20-х годов XIV в. в жалованных грамотах начинает фигурировать формула «пожаловал есмь» (ГВНиП, № 84, 86; АСЭИ, т. III, № 2, 190).

в списке, вопрос о наличии в ней символической инвокации остается открытым.

Очень интересно оформление начальной части ольговской грамоты. На это уже не раз обращали внимание исследователи. Грамота сохранилась в подлиннике. Согласно описанию И. А. Голубцова, первые шесть строк текста «короткие и расположены симметрично в центре страницы, в пространстве между боковыми фигурами деисуса (в 7 лицах), занимающего весь верх грамоты и бока ее до 7-й строки». Первой буквы «м» в первом слове, с которого начинается богословская преамбула и весь текст («милосердьемь»), в рукописи «теперь нет».²⁵ Находился ли перед исчезнувшим «м» крест (символическая инвокация)? Утратился ли он вместе с «м»?

В семи жалованных грамотах Спасо-Евфимьеву монастырю 1394—1485 гг. и в двух жалованных грамотах Спасскому Ярославскому монастырю 1463—1478 гг. богословская преамбула состоит из одного оборота: «Святаго деяя Спаса» (тип Сп₁).

В двух грамотах Спасо-Евфимьеву монастырю нижегородского князя Данила Борисовича (1394—1404²⁶ и 1405—1415 гг.²⁷), одной грамоте нижегородского великого князя Александра Ивановича (1418—1419 гг.)²⁸ и трех грамотах московских великих князей Василия Дмитриевича (1425 г.),²⁹ Василия Васильевича (1445 г.)³⁰ и Ивана Васильевича (1485 г.)³¹ указанная богословская преамбула открывает текст, за ней следует интитуляция. В одной грамоте Спасо-Евфимьеву монастырю московского великого князя Василия Дмитриевича (1405—1415 гг.)³² богословской преамбуле принадлежит второе место — после интитуляции, перед протокольно-диспозитивной формулой «пожаловал есмь». Все семь грамот сохранились только в списках, поэтому нельзя сказать, была ли в подлинниках перед богословской преамбулой символическая инвокация.

В обеих грамотах Спасскому Ярославскому монастырю ярославских князей Данила Васильевича (1463—1469 гг.)³³ и Федора Романовича (1463—1478 гг.)³⁴ богословская преамбула идет после интитуляции, которой предшествует символическая инвокация — крест (эти две грамоты дошли в подлинниках).

Выражение «Святаго деяя Спаса» совершенно аналогично второму обороту богословской преамбулы юрьевской грамоты 1337—1339 гг.: «...и святаго деяя Юрья». И здесь и там священное имя

²⁵ АСЭИ, т. III, № 322, стр. 351, 352.

²⁶ Там же, № 480.

²⁷ Там же, № 482.

²⁸ АСЭИ, т. II, № 435.

²⁹ Там же, № 437.

³⁰ Там же, № 447.

³¹ Там же, № 482.

³² АСЭИ, т. III, № 481.

³³ Там же, № 194.

³⁴ Там же, № 198.

совпадает с посвятительным именем или, иначе говоря, названием монастыря, получающего грамоту.

Имя Спаса входит также в состав нескольких других редакций богословской преамбулы. В двух грамотах Спасо-Евфимьеву монастырю к обороту «Святаго деля Спаса» прибавлен оборот «честнаго его Преображения» — без соединительного союза «и» в грамоте московского великого князя Василия Васильевича 30-х годов XV в.³⁵ и с союзом «и» в грамоте князей Василия и Федора Юрьевичей (Шуйских) 1445—1446 гг.³⁶ Назовем эту редакцию богословской преамбулы типом Sp_2 . Усложненный вариант типа Sp_2 представлен в грамоте князя Федора Юрьевича Спасо-Евфимьеву монастырю 1447—1449 гг.,³⁷ где первый и второй обороты соединяются союзом «и», а перед словом «Спаса» вставлено определение «великого» (тип Sp_{2a}).

Преамбулы типов Sp_2 и Sp_{2a} находятся в формуляре грамот на первом месте (о наличии или отсутствии символической инвокации судить невозможно, так как тексты дошли в списках), однако ближайшим источником характеристики «великого» в Sp_{2a} могла быть богословская преамбула, вкрапленная в одну из статей диспозитивной части жалованной грамоты князей Василия и Федора Юрьевичей Спасо-Евфимьеву монастырю 1445—1446 гг.,³⁸ имеющей вначале другую преамбулу. Эта статья помещена в диспозиции после несудимого раздела и гласит: «А что давали за дань великому князю оброк с своих сирот с монастырских, весне три рубли, а в осенине три рубли, мы архимандрита з братьею по тому ж пожаловали, великого деля Спаса: дают нам за дань с своих сирот со всех оброк, весне два рубли, а в осенине два рубли» (разрядка моя, — С. К.).

Данный вариант богословской преамбулы следует определить как Sp_{1a} , ибо он отличается от Sp_1 лишь одной характеристикой основного элемента:

Sp_1	Sp_{1a}
$\mathcal{E}_1 - X_1$: святаго	$\mathcal{E}_1 - X_1$: великого
\mathcal{E}_2 : деля	\mathcal{E}_2 : деля
$\mathcal{E}_1 - X_2$: Спаса	$\mathcal{E}_1 - X_2$: Спаса

Сама статья, внутри которой расположена богословская преамбула Sp_{1a} , отчасти повторяет протокол. Дипломатический состав ее такой: 1) *narratio* («А что... в осенине три рубли»); 2) урезанная интитуляция («мы»); 3) урезанная инскрипция («архимандрита з братьею»); 4) краткая юридическая преамбула («по тому ж»); 5) протокольно-диспозитивная формула («пожаловали»); 6) богословская преамбула («великого деля Спаса»); 7) *dispositio* («дают... в осенине два рубли»). Компоненты 2,

³⁵ АСЭИ, т. II, № 439.

³⁶ АСЭИ, т. III, № 491.

³⁷ Там же, № 492.

³⁸ АСЭИ, т. II, № 448.

3, 5 являются принадлежностью протокола. В жалованных грамотах и богословская преамбула обычно либо вклинивается в протокол, либо непосредственно предшествует ему, будучи началом грамоты, хотя по классической западной схеме преамбула — компонент не протокола, а «текста». Включение богословской преамбулы в протокол в русских грамотах объясняется функциональной близостью ее к invocatio.

Место богословской преамбулы типа Sp_{1a} в цитированной статье грамоты 1445—1446 гг. составляет в этом смысле исключение: она поставлена после всего протокола, перед dispositio, иначе говоря, прямо входит в «текст» или «контекст» (по традиционной терминологии), т. е. в «основной текст» (по нашему определению). Здесь исключение подтверждает общее правило: богословская преамбула не тождественна богословию, не только не выходящему за рамки протокола, но и неизменно занимающему в нем первое место.

Характеристика «великого» роднит богословскую преамбулу Sp_{1a} с преамбулой, находящейся в грамоте суздальского князя Ивана Борисовича Спасо-Евфимьеву монастырю 1424—1425 гг.:³⁹ «Святого великаго Спаса, бога нашего, милости ради честного его Преображенья» (тип Sp_3).

Коренное отличие этой преамбулы от рассмотренных выше заключается в замене элемента «деля» оборотом «милости ради» и перестройке расположения характеристик основного элемента. Если в преамбулах типа Sp_1 и производных основной элемент «Святого... Спаса» распадается на характеристики, разделенные вторым элементом («деля»), то в типе Sp_3 все характеристики основного элемента собраны вместе. Сравним Sp_3 с наиболее близким к нему Sp_{2a} :

Sp_{2a}	Sp_3
$O_1 - \begin{matrix} \text{Э}_1 - X_1 : \text{Святого} \\ \text{Э}_2 : \text{деля} \\ \text{Э}_1 - X_2 : \text{великого} \\ X_3 : \text{Спаса} \end{matrix}$	$O_1 - \text{Э}_{1a} - X_1 : \text{Святого}$
	$X_2 : \text{великого}$
	$X_3 : \text{Спаса}$
	$\text{Э}_{1b} - X_1 : \text{бога}$
	$X_2 : \text{нашего}$
	$O_2 - \text{Э}_1 : \text{милости}$
	$\text{Э}_2 : \text{ради}$
$O_2 - \text{Э}_0 : \text{и}$	$O_3 - \text{Э}_1 - X_1 : \text{честного}$
$\text{Э}_1 - X_1 : \text{честнаго}$	$X_2 : \text{его}$
$X_2 : \text{его}$	$X_3 : \text{Преображенья}$
$X_3 : \text{Преображенья}$	

В дальнейшем оборот «милости ради» проявит тенденцию выйти на первое место в богословской преамбуле. В той самой грамоте Василия и Федора Юрьевичей Спасо-Евфимьеву монастырю 1445—1446 гг., где в одной из статей диспозиции применена богословская преамбула типа Sp_{1a} , начало формуляра обра-

³⁹ Там же, № 436.

зует другая преамбула: «Милости ради святого Спаса и боголепного его Преображения»⁴⁰ (тип Сп₄). Подтвердительная подпись князя Федора Юрьевича 1447—1449 гг. (датируется по игумену) к грамоте нижегородского великого князя Александра Ивановича Спасо-Евфимьеву монастырю 1418—1419 гг.⁴¹ открывается следующей богословской преамбулой: «Милости ради святого Спаса и преподобнаго Еуфимия молитвы и своего ради спасенья» (тип Сп₅).

Наконец, в грамоте князя Константина Федоровича (Льяла Стародубского) Спасо-Евфимьеву монастырю 1451—1464 гг.⁴² вместо оборота «милости ради» употреблено слово «милостью»: «Милостью великово Спаса и чесного его Преображешья» (тип Сп₆).

Цитированные преамбулы, составляя первый компонент формуляра грамот (Сп₃, Сп₄, Сп₆) и подтвердительной подписи (Сп₅), по своему характеру считались, вероятно, близкими к invocatio. Во всяком случае сохранившиеся в подлинниках грамоты, представляющие богословскую преамбулу типов Сп₃ и Сп₆, не имеют символической инвокации. Однако все преамбулы с элементом «милости» или «милостью» отходят от инвокационной функции дальше, чем преамбулы с элементом «дея». В самом деле, в преамбулах типа «бога дея» или «святого дея Спаса» благочестивый мотив выступает в бескорыстно-абстрактной форме и своим содержанием еще очень напоминает богословие («Во имя отца и сына и святого духа»). В преамбулах же, включающих в себя оборот «милости ради», прямо выражается заинтересованность автора в священной милости, помощи. Новое изменение смысла преамбулы происходит при замене оборота «милости ради» словом «милостью». Здесь уже автор проводит мысль о священной милости как верховном атрибуте его собственных побуждений и действий, стремится освятить свои поступки, следовательно, и свою личность.

Объяснение эволюции богословской преамбулы будет возможно после обозрения всех ее типов. Сейчас необходимо коснуться более частной проблемы — параллелизма в употреблении преамбул разных типов в жалованных грамотах Спасо-Евфимьеву монастырю.

Тип Сп₁ впервые получил применение в удельнокняжеских грамотах (здесь и далее мы исходим из сохранившегося материала, допуская, конечно, что дополнительные находки могут внести коррективы в наши теперешние наблюдения). Вторая удельная грамота, где использован тип Сп₁ (1405—1415 гг.), полностью основана на формуляре первой (1394—1404 гг.) и посвящена тем же самым объектам. Нижегородский великий князь

⁴⁰ Там же, № 448.

⁴¹ Там же, № 435.

⁴² Там же, № 455.

в грамоте 1418—1419 гг. на другие объекты сохраняет и текст и место этой преамбулы в формуляре.

Наиболее раннее употребление типа $Сп_1$ в грамоте московского великого князя 1405—1415 гг. (на варницу, не фигурировавшую в предшествующих грамотах нижегородских князей) примечательно помещением богословской преамбулы не на первом месте, которое она занимала в удельных грамотах 1394—1415 гг., а на втором — после интитуляции, перед формулой пожалования. В этом, вероятно, нашла выражение зависимость составителя московской грамоты от традиций московской и тверской великокняжеских канцелярий XIV в. (ср. типы Ю и О).

После 1418—1419 гг. тип $Сп_1$ встречается исключительно в грамотах московских великих князей. В московской грамоте 1425 г. богословская преамбула занимает уже первое место. Сказалось ли тут влияние нижегородских грамот или проявилась общая тенденция развития богословской преамбулы жалованных грамот, сказать трудно. В грамоте 1425 г. объектом пожалования была деревня Филипповская, упоминавшаяся среди прочих и в грамоте нижегородского великого князя 1418—1419 гг. Однако этим все объяснить нельзя: формуляр 1425 г. не слепо воспроизводит формуляр 1418—1419 гг., но во многом его изменяет (есть дополнения и значительные сокращения). Едва ли простым копированием какого-либо предшествующего формуляра определялось применение богословской преамбулы типа $Сп_1$ и в грамоте Василия II 1445 г. на оз. Боровое (более ранних грамот на это озеро в архиве Спасо-Евфимьева монастыря нет).

Напротив, наличие богословской преамбулы $Сп_1$ в грамоте Ивана III 1485 г. на озеро Нефру и др. — результат прямого заимствования этой грамотой основной части формуляра двух повторяющих друг друга грамот нижегородского князя Данила Борисовича (1394—1405 и 1405—1415 гг.) на те же объекты.

Известная случайность использования богословской преамбулы $Сп_1$ в грамоте 1485 г. доказывается одиночеством рассматриваемого факта: со второй половины 40-х годов XV в. богословская преамбула вообще перестает включаться в грамоты Спасо-Евфимьеву монастырю князей московского дома.⁴³ Даже употребление ее в грамоте Василия II 1445 г. могло быть вызвано чрезвычайными обстоятельствами — грамота выдавалась накануне сражения и, по мнению И. А. Голубцова, носила характер обетного акта.⁴⁴

Приоритет изобретения преамбулы типа $Сп_2$ («Святаго дея Спаса [и] честнаго его Преображения») принадлежит как будто московской канцелярии. Судя по сохранившимся материалам, впервые она появляется в 30-х годах XV в. в грамоте Василия II,

⁴³ Там же, № 446, 449, 452—454, 459—461, 466—469, 473, 475, 478—480, 486; т. III, № 496, 498, 501.

⁴⁴ АСЭИ, т. II, № 447, стр. 488.

а затем повторяется в середине 40-х годов в грамоте местных князей. Однако оборот «честного его Преображешья», составляющий специфику данного типа, вводился в преамбулу (другого типа — Сп₃) уже в грамоте суздальского удельного князя 1424—1425 гг. Поэтому соединение оборота «Святаго деля Спаса» с оборотом «честнаго его Преображения» в грамоте Василия II было не столько изобретением, сколько компиляцией, попыткой подчинить новый оборот старой структуре богословской преамбулы, управлявшейся предлогом «деля».

В грамоте Василия II отсутствует союз «и» между оборотами преамбулы, в грамоте Шуйских союз имеется. В этом плане преамбула московской грамоты ближе к Сп₃, преамбула грамоты Шуйских — к Сп₄ и Сп₅. Указанный признак зависимости грамоты Василия II непосредственно от грамоты 1424—1425 гг. (с преамбулой Сп₃) не очень надежен, ибо грамота московского князя дошла в копии (в подлиннике союз «и», может быть, и читался).

Обе грамоты с преамбулой типа Сп₂ (Василия II и Шуйских) относились к одному и тому же кругу спасо-евфимьевских владений в районе Гороховца и Мещерска. Грамота Василия II — по времени самая близкая предшественница грамоты Шуйских на гороховецкие земли. Вероятно, поэтому богословская преамбула была взята Шуйскими из нее. Другие компоненты формуляра грамоты Шуйских восходят подчас даже в большей мере к грамотам на гороховецко-мещерские вотчины 1418—1419 и 1425 гг., имеющим преамбулу типа Сп₁.

Если проследить территориальную приуроченность грамот, в которых используется богословская преамбула типа Сп₁ и развивающих ее типов Сп₂ и Сп_{2а}, то окажется, что почти все они касаются гороховецко-мещерского комплекса владений. Исключение — грамота Василия I 1405—1415 гг. на варницу у Соли Юрьевской. Неясный случай представляет грамота Василия II 1445 г. на оз. Боровое (тип Сп₁). Местоположение этого озера точно неизвестно. И. А. Голубцов предположительно отождествил его с оз. Боровое в Алексинском стане Стародубского уезда.⁴⁵ Но озера с одинаковыми названиями часто бывали в разных местах.

Поскольку применение преамбулы типа Сп₁ началось в актах на гороховецкие владения (грамоты князя Данила Борисовича), именно в гороховецких (и мещерских) грамотах наиболее последовательно употребляется, изменяясь лишь в сторону дополнения (но не перестройки), этот тип преамбулы.

Ломка структуры типа Сп₁ (переделка Сп₁ в Сп₃) впервые была осуществлена в грамоте 1424—1425 гг. на с. Переборовское, находившееся под Суздалем. Заметное усиление богословской насыщенности в преамбуле Сп₃ (замена «деля» на «милости ради»,

⁴⁵ Там же, стр. 567, прим. к № 467; стр. 636; ср. АСЭИ, т. I, № 5.

вставка слов «великаго» и «бога нашего» в первый оборот и прибавка оборота «честного его Преображенья»), по-видимому, связано с участием в составлении грамоты суздальского епископа Митрофана, о чем упоминается в грамоте: «...се яз, князь Иван Борисовичь, с отцом своим с Митрофаном, со владыкою суздальским, поговоря по духовному делу, и с Олександром, сыном своим, починили есмы по слову...».

Дальнейшее развитие преамбулы типа Сп₃, выразившееся в вынесении оборота «милости ради» на первое место, исключении слов «великаго» и «бога нашего» и замене «честного» на «боголепного» (Сп₄), наблюдаем в грамоте 1445—1446 гг. опять-таки на суздальские вотчины, среди которых, в частности, фигурирует уже знакомое нам село Переборово. Князья Шуйские, выдавшие эту грамоту, называют в ней Спасо-Евфимьев монастырь своей богомольей.

Последующая обработка преамбулы, начинающейся с оборота «милости ради», запечатлена в подтверждающей подписи князя Федора Юрьевича (Шуйского) 1447—1449 гг. к грамоте 1418—1419 гг. на гороховецко-мещерские вотчины Спасо-Евфимьева монастыря. В самой грамоте 1418—1419 гг. преамбула типа Сп₁. Преамбула подтверждающей подписи (Сп₅) включает в себя четыре оборота, из которых первые два — «[1] Милости ради [2] святого Спаса» — уже были в грамоте 1445—1446 гг. (тип Сп₄), по вместо третьего оборота грамоты 1445—1446 гг. — «и боголепного его Преображения» — здесь два новых оборота: «[3] и преподобнаго Еуфимия молитвы, [4] и своего ради спасенья». Выражение памерсения заслужить молитву св. Евфимия можно считать намеком на особо тесные отношения между жалователем и монастырем. Фактически тут проводится мысль о Спасо-Евфимьеве монастыре как «богомолье» Шуйских (в виде прямого утверждения эта мысль была сформулирована в инскрипции грамоты 1445—1446 гг.). По своему характеру рассматриваемый оборот напоминает второй оборот богословской преамбулы ольговской грамоты 1371 г. («...молитвою святое богородици...»), четвертый же оборот очень близок ко второму обороту богословской преамбулы отроческой грамоты 1362—1364 гг. («...и своего дея спасенья»).

Таким образом, в середине—второй половине 40-х годов XV в., вероятно, в связи с превращением Спасо-Евфимьева монастыря в «богомолье» Шуйских и распространением их власти не только на суздальские, но и на гороховецко-мещерские земли происходит небольшое нарушение территориального принципа применения богословской преамбулы в грамотах Шуйских. Хотя Сп₂ и Сп_{2а} употребляются в грамотах на гороховецко-мещерские вотчины (1445—1446, 1447—1449 гг.), а Сп₄ — в грамоте на суздальские (1445—1446 гг.), возникают и отклонения от нормы. Они состоят в том, что, во-первых, преамбула Сп_{1а}, восходящая к преимущественно гороховецко-мещерскому по радиусу дейст-

вия типу Сп₁, включается в середину грамоты (1445—1446 гг.) на суздальские села, которая имеет вначале преамбулу Сп₄, во вторых, преамбула Сп₅, восходящая к суздальской по радиусу действия преамбуле Сп₄, вносится в подтверждательную подпись (1447—1449 гг.) к грамоте с преамбулой типа Сп₁ на гороховецко-мещерские владения (1418—1419 гг.).

Преамбула Сп₆ всплывает в тот период (50-е—начало 60-х годов XV в.), когда использование богословской преамбулы в спасо-евфимьевских грамотах по существу прекратилось. Однако родилась она, может быть, раньше. В грамоте князя Константина Федоровича (Льяла Стародубского) 1451—1464 гг., представляющей этот тип преамбулы, есть прямая ссылка на предшествующую грамоту его отца — князя Федора Федоровича («...возря в грамоту отца своего... , пожаловал»).

Происхождение первого оборота преамбулы Сп₆ («милостью») неясно. Допустимо видеть в нем результат трансформации первого оборота преамбул типа Сп₄ и Сп₅ («милости ради»), но необходим учет и других возможных влияний, о которых не будем говорить до завершения обзора всех типов богословской преамбулы. Второй и третий обороты («великово... Преображенья») являются, вероятно, воспроизведением преамбулы Сп_{2а} в усеченном виде (без слов «Святого деля»).

Сп _{2а}	Сп ₆
О ₁ — Э ₁ — Х ₁ : Святого	О ₁ — Э ₁ : Милостью
Э ₂ : деля	
Э ₁ — Х ₂ : великого	О ₂ — Э ₁ — Х ₁ : великово
Х ₃ : Спаса	Х ₂ : Спаса
О ₂ — Э ₀ : и	О ₃ — Э ₀ : и
Э ₁ — Х ₁ : честнаго	Э ₁ — Х ₁ : честного
Х ₂ : его	Х ₂ : его
Х ₃ : Преображения	Х ₃ : Преображенья

Если предположить, что преамбула типа Сп₆ содержалась уже в грамоте князя Федора Федоровича и в качестве источников имела преамбулы типа Сп_{2а} и Сп_{4,5}, относящиеся ко второй половине 40-х годов XV в., то примерно этим временем можно датировать и возникновение преамбулы Сп₆. Впрочем, принимая во внимание наличие формул «великаго Спаса», «милости ради» и «честного его Преображенья» еще в грамоте 1424—1425 гг. (тип Сп₃), нельзя исключать возможность и более ранней датировки, хотя вероятность ее, как нам кажется, меньше.

Сохранившаяся грамота князя Константина Федоровича была выдана Спасо-Евфимьеву монастырю на варницу «у Солци». В указателе ко II тому АСЭИ читаем: «Сольца, в Суздал. у., евф. варничный поселок (?)».⁴⁶ Однако слова грамоты «в своей вотчине у Солци» надо понимать в том смысле, что Сольца нахо-

⁴⁶ АСЭИ, т. II, стр. 665.

дилась в Стародубском уделе, «вотчине» князя Константина. Преамбула типа Сп₆, по-видимому, стародубского радиуса действия.

Подведем некоторые итоги изучения преамбул Сп₁—Сп₆. Исходная преамбула этой группы (Сп₁) нижегородского происхождения. Она зародилась в грамотах нижегородского удельного князя конца XIV—начала XV в. на гороховецкие земли, входившие в состав Нижегородского княжества, и затем применялась в грамотах, касавшихся главным образом гороховецко-мещерских, в одном случае юрьевских и в одном случае, быть может, стародубских территорий, причем расширение сферы ее действия приходится на счет грамот московских великих князей и не затрагивает Суздальское княжение.

Преамбула типа Сп₁ отличается простотой построения. По форме и содержанию она является полным аналогом первого оборота преамбул середины XIV в. — юрьевской и отроческой. Изменение и усложнение первоначального вида спасской преамбулы началось, вероятно, в суздальской княжеской канцелярии не без влияния канцелярии владычной. Включение в преамбулу мотивов «милости» и «Преображения» впервые наблюдается в грамоте суздальского князя 1424—1425 гг. на монастырское село около Суздаля. Так на основе переделки и дополнения нижегородской традиции возник суздальский вариант богословской преамбулы (Сп₃). Свое развитие он получил в грамоте князей Шуйских на суздальские (Сп₄) и подтверждающей подписи к грамоте на гороховецко-мещерские (Сп₅) вотчины Спасо-Евфимьева монастыря.

Модернизация Сп₃ в Сп₄ и Сп₅ характеризуется вынесением оборота «милости ради» на первое место. Кроме того, в Сп₅ мы сталкиваемся с попыткой ввести в преамбулу имя основателя монастыря — Евфимия, ставшего небесным патроном этой корпорации, и мотив личного спасения.

Московская канцелярия взяла из суздальского варианта только мотив «Преображения», не вводя мотива «милости» и не меняя первоначальную структуру преамбулы. Такой дополненный вариант нижегородской преамбулы использован в грамоте Василия II и в двух грамотах Шуйских на гороховецко-мещерские земли (Сп₂, Сп_{2а}). Суздальские удельные князья не применяли преамбулу этого типа в грамотах на суздальские вотчины, хотя в одном случае разновидность преамбулы старого типа (Сп_{1а}) была вставлена в статью диспозиции при наличии перед интитуляцией преамбулы Сп₄.

Изменение оборота «милости ради» на «милостью» в сочетании с усеченным вариантом Сп_{2а} находим в грамоте стародубского князя.

Другими словами, усложнение структуры и уторжествление богословской преамбулы в жалованных грамотах Спасо-Евфимьеву монастырю исходили в первую очередь из суздальских удельнокняжеских канцелярий. Стародубская удельная канцелярия

явно испытала влияние суздальской, хотя и внесла качественное изменение в формулировку мотива милости («милостью» вместо «милости ради»). Московская канцелярия стремилась сохранить первоначальный нижегородский тип преамбулы, но вынуждена была отчасти учитывать нововведения суздальской канцелярии. В свою очередь в грамотах не на суздальские земли суздальские князья следовали, как правило, компромиссной московской редакции богословской преамбулы нижегородского типа.

Возникновение и распространение богословской преамбулы в XIV—XV вв. отражают не только и не столько степень религиозности князей этого времени, сколько специфику социально-политических отношений, складывавшихся между княжеской властью и духовными учреждениями в период феодальной раздробленности.

Богословская преамбула появляется одновременно или почти одновременно с новой формулой, определявшей суть юридического акта, выражаемого выдачей княжеской грамоты, — «пожаловал есмь» (см. стр. 85). В XII в. передача князем монастырю земли, людей, скота, движимого имущества и пошлин не интерпретировалась в качестве «пожалования», нося в значительной мере характер частной сделки. С одной стороны, это говорит о феодальной незрелости монастырского землевладения XII в. даже в Новгороде, от которого только и дошли княжеские грамоты монастырям. Монастыри еще не были политической организацией в полном смысле слова. С другой стороны, здесь можно усмотреть и отсутствие у князей функции распределителей государственных земель и прав: они распоряжаются лишь своими землями, имуществом и доходными статьями.

В жалованных грамотах XIV—XV вв. передача движимого имущества, скота и людей (как вещи) обычно не фиксируется. Объект «пожалования» ограничивается землей и иммунитетом. Именно иммунитетные грамоты с разветвленной схемой освобождений и привилегий оказываются той почвой, на которой вырастает богословская преамбула в XIV в. Все три грамоты 30—70-х годов XIV в., содержащие богословскую преамбулу (юрьевская, отроческая и ольговская), отличаются подробностью и юридической насыщенностью иммунитетных разделов. В XV в., когда богословская преамбула вошла в плоть и кровь княжеских жалованных грамот, иммунитетность перестала быть обязательным признаком грамот, имеющих богословскую преамбулу (часть из них приходится на данные грамоты),⁴⁷ но не потому ли, что монастыри сами по себе рассматривались уже как средоточие

⁴⁷ Из 13 спасо-евфимьевских грамот с богословской преамбулой чисто данными являются две — князя Ивана Борисовича на с. Преборовское 1424—1425 гг. (АСЭИ, т. II, № 436) и Василия II на оз. Боровое 1445 г. (там же, № 447). Три грамоты на гороховецкие озера (АСЭИ, т. II, № 482; т. III, № 480, 482), кажущиеся на первый взгляд только данными, имеют заповедные постановления.

иммунитетных прав, а жалуемая им земля — не только как личная княжеская собственность?

Введение в грамоты формулы пожалования («се жалуеса», «пожаловал есмь» и т. п.) логически требовало обоснования этого выделения субъекта «жалуемых» прав из среды других землевладельцев, т. е. установление особых отношений между носителем верховной власти и грамотчиком нуждалось в мотивировке. Недаром в грамоте Пскова Якову Голутвиничу 1308—1312 гг. содержится благодарственная преамбула («за пот и кровь»).

В XIV—начале XV в. носители верховной власти еще должны были перед кем-то демонстрировать неоспоримые с религиозной и рыцарской точек зрения предлоги выдачи жалованной грамоты. Вероятно, князья в значительной мере зависели в своих действиях от старейших членов княжеской дружины, бояр, выполнявших конкретные функции управления в центре и на местах. Отношения верховной власти с ними образовывали тот вассалитет без ленных или лены, состоящие только из даней, о котором писал К. Маркс применительно к киевскому периоду.⁴⁸ По-видимому, фиксация иммунитета землевладельцев известным образом затрагивала интересы представителей правящей верхушки, занимавших должности наместников, волостелей и т. п.⁴⁹ В ряде ранних грамот виднейшие сановники указываются либо в качестве соучастников выдачи акта, либо в качестве лиц, в чьем ведомстве должен находиться монастырь. В грамотах часто присутствует подпись того или иного знатного человека. Конечно, подписавшийся был не просто свидетелем, скорее, он от лица боярства санкционировал выдачу грамоты.

Богословская преамбула, декларируя высшие цели «пожалования», поднимала намерения и действия князя до высот религиозного подвига и тем самым способствовала нейтрализации сопротивления недовольных, чьи интересы могли оказаться ущемленными в результате выдачи грамоты. Эту задачу выполняла уже формула «бога деля». Но, вероятно, она имела и другое предназначение, накладывая на монастырь определенные религиозно-обрядовые обязательства.

Совпадение объекта богословской преамбулы со священным понятием, являвшимся посвятителем именем монастыря, придавало богословской преамбуле более ясно выраженный юридический смысл. Князь-жалователь признавал своим предстателем небесного патрона монастыря, вследствие чего монастырь и князь как бы оказывались под эгидой общего идеального сюзерена. Это

⁴⁸ «...vassalship without fiefs, or fiefs consisting only in tributes...» (К. Маркс. Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1899, p. 76).

⁴⁹ Наверное, не случайно в юрьевской грамоте богословская преамбула вторично употребляется в статье, касающейся отношений между монастырем и волостелями: «А по великого князя слову волостелем их волоцким блюсти, а не обидети, бога деля и святаго деля Юрья».

обстоятельство вносило элемент равноправия в отношения между жалователем — земным сюзереном монастыря и монастырем — его вассалом. Идея милости или пожалования, заложенная в формуле «пожаловал есмь», существенно смягчалась и ограничивалась идеей взаимности услуг в деле служения общему небесному сюзерену. Монастырь служил ему всей своей религиозной деятельностью, в процессе которой он оказывал помощь князю, вознося за него молитвы не только богу непосредственно, но и общему святому предстателю монастыря и князя. Князь же служил общему с монастырем небесному патрону, «жалуя» монастырь его имени. Упоминание в богословской преамбуле лишь «бога» не создавало идеи служения особому патрону, ибо бог — господин всех. Поэтому уже в преамбуле юрьевской грамоты 1337—1339 гг. наряду с богом указан св. Юрий — патрон Юрьева монастыря.⁵⁰

Развитие сюзеренно-вассальных отношений между местными князьями и монастырями в конце XIV—начале XV в. определило тенденцию уточнения специфики священного понятия, лежащего в основе богословской преамбулы. Так, суздальских князей не удовлетворила формула «святаго деля Спаса», и в суздальской капцелярии была разработана преамбула, в которой, помимо Спаса, фигурировало его Преображение как более специфическое понятие. На примере преамбул Сп₁—Сп₆ видно, что местные удельные князья проявляли большую склонность к употреблению специализированных богословских преамбул, чем великие князья московские. Это обуславливалось, по-видимому, тесными политическими связями суздальских и стародубских князей со Спасо-Евфимьевым монастырем, значительной степенью равноправия в отношениях между князьями и монастырем, превращением монастыря в «богомолье» Шуйских. Московские князья не развивали творчески богословскую преамбулу, поскольку она выражала заинтересованность князя в союзе с монастырем.

Богословская преамбула проводила в религиозной форме идею сюзеренно-вассальной взаимности. Именно вассалитет предполагал взаимность политических обязательств контрагентов, московские же князья стремились сделать из влиятельного духовного вассала послушную верноподданную корпорацию. В середине XV в., как уже говорилось, они вообще перестали включать богословскую преамбулу в формуляр спасских грамот. Отмирание богословской преамбулы — следствие изживания местных сюзеренно-вассальных отношений. С отменой богословской преамбулы

⁵⁰ В грамоте великого князя Мстислава Владимировича 1130 г. есть следующее обращение к игумену и братии Юрьева монастыря: «И ты, игумене Исаие, и вы, братие, донеле же ся мир състоитъ, молити бога за мя и за мое дети, кто ся изостанеть в манастыри, то вы темь дължны есте молити за ны бога и при животе и в съмърти» (ГВНИИ, № 81). Здесь патрон монастыря св. Георгий (Юрий) еще не рассматривается как предстатель князя.

формула пожалования приобрела самодовлеющее значение. Княжеское пожалование стало рассматриваться как односторонняя милость, повеление.

В XIV—первой половине XV в. связь между богословской преамбулой и формулой пожалования была хотя и закономерной, но не жесткой. В юрьевской и отроческой грамотах формула пожалования есть, в ольговской грамоте ее нет. Из 15 случаев употребления богословской преамбулы в спасо-евфимьевских грамотах в трех случаях она дается без формулы пожалования.

Три грамоты, где отсутствует формула пожалования (ольговская и две спасо-евфимьевские), являются данно-иммунитетными, одна (спасо-евфимьевская) — просто данной. Однако не только акт дачи определял наличие в них формулы «дал есмь» вместо «пожаловал есмь». Формула «пожаловал» вполне уживалась с формулой «дал» еще в грамотах середины XIV в., которые даже не были данными: «пожаловал есм... дал есм им волю» (юрьевская); «пожаловали есмы... дали есми сю милостыню» (отроческая). Не исключено, что отсутствие формулы пожалования в двух грамотах князя Данила Борисовича 1394—1415 гг. обусловливалось сохранением в Нижегородском княжестве конца XIV в. старых представлений о даче земли князем как участвующей сделке с монастырем. Этого нельзя сказать по поводу игнорирования формулы пожалования ольговской грамотой и грамотой суздальского князя Ивана Борисовича 1424—1425 гг. Тут дело сложнее. Каждая из названных грамот указывает советников, с согласия и благословения которых она выдавалась. В ольговской грамоте читаем: «... сгадав есмь с своимь отцемь с владыкою с Васильемь и с своими бояры...» (последние перечисляются поименно). В грамоте Ивана Борисовича написано: «... с отцом своим с Митрофаном, со владыкою суздальским, поговори по духовному делу, и с Олександром, сыном своим, починили есмы по слову...». Возможно, присутствие и упоминание советников составляло ритуал, несовместимый с употреблением формулы пожалования.

Вернувшись к жалованным грамотам XIV в., лишенным богословской преамбулы (см. стр. 83—84), мы замечаем, что не все они пользуются и формулой пожалования. В иммунитетной грамоте ярославского князя Спасскому Ярославскому монастырю 1320-х годов формула dokonчания сочетается с формулой пожалования: «... dokonчал есмь... пожаловал есмь...».⁵¹ В двух меновно-иммунитетных грамотах московского великого князя Симону и Чудову монастырям формулы пожалования нет.⁵² В записях содержания четырех жалованных данно-иммунитетных грамот рязанских князей епископам употребляется формула «дал».⁵³ В пересказе одной dokonчально-жалованной данно-иммунитетной

⁵¹ АСЭИ, т. III, № 190.

⁵² АСЭИ, т. II, № 340; т. III, № 29.

⁵³ АСЭИ, т. III, № 309, 311, 315, 316.

грамоты рязанского князя епископу говорится: «... докончал... дал».⁵⁴ В изложении текста двух рязанских грамот епископу — данной⁵⁵ и данно-иммунитетной,⁵⁶ а также в двух данно-иммунитетных грамотах Рязанскому Солотчинскому монастырю⁵⁷ вместо «дал» читаем «придал». В пересказе одной данно-иммунитетной грамоты епископу⁵⁸ и в одной данно-иммунитетной грамоте Солотчинскому монастырю⁵⁹ наряду с формулой «дал» или «придал» в протокольной части в диспозиции приводится статья о пожаловании духовной корпорации стольником или стольником и чашником. Эта статья начинается словами: «А пожаловал...». Таким образом, в рязанских грамотах сам акт выдачи грамоты не расценивается в качестве пожалования: пожалованием считается лишь передача монастыря в ведение крупного княжеского сановника.

Во всех трех жалованных иммунитетных грамотах московских великих князей XIV в. светским лицам⁶⁰ находим формулу «пожаловал есмь». Аналогичная ей формула «се жалуеса» применена в жалованной данной грамоте Пскова светскому лицу.⁶¹ Обязательность употребления формулы пожалования в грамотах светским лицам, может быть, определялась близостью раннего светского иммунитета (во всяком случае фиксируемого) к кормлению. В кормленной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича Андрею Фрязинову на Печору 1363—1389 гг. присутствует формула «пожаловал есмь».⁶²

Перенесение представлений о «жалованной» природе светского иммунитета на иммунитет церковно-монастырский характерно прежде всего для грамот князей московских и тверских. Менее свойственно такое перенесение грамотам князей рязанских и нижегородских.

Из княжеских грамот первой половины XV в., выданных Спасо-Евфимьеву монастырю, не содержат богословской преамбулы пять: данная суздальского князя Александра Ивановича 1426—1433 гг.;⁶³ данная княгини Софьи, вдовы князя Юрия Васильевича (Шуйского), 1440—1444 гг.,⁶⁴ докладная данно-иммунитетная княгини Марии, вдовы суздальско-нижегородского князя Даниила Борисовича, 1444 г.;⁶⁵ данная великого князя Василия II и

⁵⁴ Там же, № 314.

⁵⁵ Там же, № 317.

⁵⁶ Там же, № 318.

⁵⁷ Там же, № 324, 325.

⁵⁸ Там же, № 315.

⁵⁹ Там же, № 324.

⁶⁰ Там же, № 2, 178, 238.

⁶¹ ГВНиП, № 333.

⁶² АСЭИ, т. III, № 4.

⁶³ АСЭИ, т. II, № 438.

⁶⁴ Там же, № 443.

⁶⁵ Там же, № 444.

его матери Софьи Витовтовны 1444—1448 гг.;⁶⁶ данная князя Дмитрия Юрьевича (Шемяки) 1447—1449 гг.⁶⁷

Во всех этих актах нет и формулы пожалования. Имеется только формула «дал» (или «дала», «дали»). Похоже, что все пять грамот были оформлены по типу частных актов.

Две из них (грамоты Софьи Шуйской и Марии Суздальской) не вызывают сомнения в своем частном происхождении. Ничто не указывает на существование государственных полномочий Софьи Шуйской в Суздале в 1440—1444 гг. В грамоте Марии Суздальской есть прямая ссылка на доклад великому князю Василию Васильевичу, которого вкладчица называет своим «господином». Грамоту подписал великокняжеский дьяк Терентий. Мария отдавала село Омутское монастырю «так, как было при моем князи и при мне, и с судом, и с татбою с поличным, и с тамгою, и со всеми пошлинами, занеже то село Омутское к городу не тягивало ничем, никакими пошлинами, ни душегубством». Позитивной формой фиксации иммунитета эта грамота напоминает грамоту Мстислава Юрьеву монастырю 1130 г. и ряд рязанских грамот XIV в. Они также не употребляют ни богословскую преамбулу, ни формулу пожалования.

Упоминание о том, что село Омутское «к городу не тягивало ничем, никакими пошлинами, ни душегубством», характеризует исконность или по крайней мере древность иммунитета княжеских сел, подтверждая закономерность параллели между иммунитетом собственно княжеских сел на Руси и иммунитетом земель фиска во Франкском государстве.⁶⁸

Однако с передачей села монастырю прежде полный княжеский иммунитет нарушался: Мария как бы поделила его между монастырем и великим князем, предоставив последнему право суда по душегубным делам («А лучится по грехом душегубство, ино судит господин мой, князь велики Василей Васильевичь»). Таким образом, сама вкладчица де-юре устранялась от выполнения каких-либо политических функций в отношении отдаваемого села. Следовательно, Мария выдавала грамоту не как государыня, обладающая политической властью в Суздале, а как частное лицо.

Грамота Дмитрия Шемяки была посвящена тому же селу Омутскому. В ней говорилось: «Что ми дал брат мой старишей князь велики, в своей отчине в Суздале за долг отца нашего, князя Юрия Дмитриевича, княгинино Марьино село Омутское в Суздале, что было отцу нашему взяти на князи Даниле Борисовичу триста рублей по кабалам, и яз то свое село Омутское дал в дом великому Спасу».

⁶⁶ Там же, № 446.

⁶⁷ Там же, № 449.

⁶⁸ С. М. Каштанов. Феодалный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте. Сб. «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма», М., 1970, стр. 197—198.

Грамота Шемяки появилась примерно в 1447—1449 гг., т. е. через несколько лет после выдачи (около 1444 г.) грамоты княгиней Марией Суздальской на село Омутское. В жалованной грамоте князей Василия и Федора Юрьевичей Шуйских Спасо-Евфимьеву монастырю 1445—1446 гг. село Омутское фигурирует в числе монастырских вотчин.⁶⁹ В 1447—1449 гг. действовал только князь Федор Юрьевич (его старший брат Василий к этому времени, наверное, умер).⁷⁰ Федор выдавал и подписывал в 1447—1449 гг. грамоты, касающиеся лишь гороховецко-мещерских владений Спасо-Евфимьева монастыря.⁷¹

Возможно, в 1445—1446 гг. между Василием и Федором Юрьевичами установилось разделение сфер влияния: суздальской частью княжения ведал Василий, а гороховецко-мещерской — Федор. По договору с Дмитрием Шемякой Федор был поставлен в более подчиненное положение по отношению к Шемяке, чем Василий: Василия Шемяка признавал своим «сыном», а Федора — только «братаничем» (сыном брата — племянником).⁷² В марте 1446 г. Шемяка в качестве великого князя выдал жалованную грамоту Благовещенскому монастырю на земли в Нижегородском уезде,⁷³ что создавало угрозу распространения его власти на гороховецко-мещерские земли.

Новый нажим со стороны Шемяки Федор испытал, вероятно, в 1447—1449 гг., когда умер его старший брат Василий. По-видимому, какое-то время после смерти Василия Суздаль находился в руках Федора. Уже в 1448/49 г. великий князь Василий II выдал Троице-Сергиеву монастырю грамоту на село Шухобалово,⁷⁴ переход которого во владение Василия и Федора Юрьевичей закреплялся в их договоре с Шемякой. В период правления Федора и мог Шемяка поднять вопрос о селе Омутском.

Наррация грамоты Шемяки 1447—1449 гг. позволяет предположить, что частный по форме акт, каковым являлась данная Марии Суздальской 1444 г., по существу представлял собой направленную против Шемяки трехстороннюю политическую сделку между Василием II, Марией Суздальской и Спасо-Евфимьевым

⁶⁹ АСЭИ, т. II, № 448.

⁷⁰ По П. Н. Петрову, умер в 1446 г. (П. Н. Петров. История родов русского дворянства, т. I. СПб., 1886, стр. 119, 120, 122; АСЭИ, т. II, № 491, стр. 472).

⁷¹ АСЭИ, т. II, № 435; т. III, № 492.

⁷² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., М.—Л., 1950, № 40. Л. В. Черепнин датирует договор 1445 г., А. А. Зимин самой вероятной датой его считает время после 12 июня 1447 г., допуская, что договор мог возникнуть и весной—летом 1449 г. (А. А. Зимин. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. Проблемы источниковедения, VI, М., 1958, стр. 304—306). Но был ли в живых в 1447—1449 гг. князь Василий Юрьевич, главный участник договора со стороны Шуйских?

⁷³ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков, ч. I, М., 1951, № 232; АСЭИ, т. III, № 297 (ср. там же, № 294, стр. 321).

⁷⁴ АСЭИ, т. I, № 221.

монастырем. Великий князь пообещал отдать Омутское Шемяке за долги бывшего владельца этого села князя Данила Борисовича отцу Шемяки князю Юрию Галицкому, однако санкционировал передачу села вдовой должника в монастырь, нанеся тем самым удар по экономическим и политическим интересам своего соперника.

В 1447—1449 гг. Шемяка решил хотя бы частично отыгаться. Используя шаткость политического положения в Суздале князя Федора Юрьевича, который был его вассалом, Шемяка выступил по отношению к Спасо-Евфимьеву монастырю в роли частного лица, маскируя свою роль сюзерена князя Федора. Фактически он лишь подтвердил монастырское право владения селом, но вклад сделал от своего имени и вместо поминания Данила Борисовича и рода суздальских князей учредил поминание Дмитрия Донского и всего своего рода. За благовидным предписанием архимандриту «кормити» княгиню Марию «ис того села до ее живота», возможно, скрывалась отмена Шемякой прежних иммунитетных прав княгини, которые она, передав монастырю де-юре, могла сохранять де-факто. Это постановление, если позволительно его так интерпретировать, отвечало интересам Федора Юрьевича, чьи политические права укреплялись от ущемления полномочий представительницы старой суздальской династии. Думается, Шемяка действовал с согласия и ведома Федора. И все же, поскольку Шемяка не являлся правящим суздальским князем, грамоту на суздальское село он выдавал как частное лицо.

В данной грамоте 1444—1448 гг. Василий II и его мать Софья Витовтовна выступают в качестве душеприказчиков покойного князя Семена Александровича⁷⁵ — сына князя Александра Ивановича и внука суздальского князя Ивана Борисовича. Семен Александрович приходился Василию II «сестричичем» (сыном сестры, племянником), а Софье — внуком (мать Семена Василиса, жена Александра Ивановича,⁷⁶ являлась дочерью Софьи Витовтовны и сестрой Василия II). По «приказу» (завещательному распоряжению) Семена Василий II и Софья отдают в Спасо-Евфимьев монастырь «село его (Семена, — С. К.) Мордан» «на поминок его родителем: по великом князи Костянтине, по его прачуре, и по князи по Борисе, и по князи по Иване, и по его отци по князи по Олександре, и по его матери по княгини по Василисе, и по нем, по князи по Семене, — поминают их души и бога за них молят».

И. А. Голубцов колебался между двумя возможными датировками этой грамоты: 1444—1445 (до похода Василия II под Суздаль) и 1447—1448 гг.⁷⁷ Его аргумент в пользу ранней дати-

⁷⁵ О дате его смерти см.: АСЭИ, т. II, стр. 566.

⁷⁶ Идентификацию Александра Ивановича см.: АСЭИ, т. II, стр. 565—566.

⁷⁷ АСЭИ, т. II, № 446, стр. 487.

ровка сводится к мнению, что именно в 1444—1445 гг. делались вклады по душам суздальских князей. Автор имел в виду грамоту Василия II 1445 г. на с. Шухобалово и др.,⁷⁸ грамоту Марии Суздальской 1444 г. на с. Омутское⁷⁹ и, может быть, грамоту Софьи Шуйской 1440—1444 гг. на слободку Чаниху.⁸⁰ Однако первая из этих грамот — подложная (факт, отрицавшийся И. А. Голубцовым без достаточных оснований),⁸¹ вторая и третья были выданы не московским князем непосредственно, а последними местными князьями.

В пользу более поздней датировки И. А. Голубцов не привел специальных доказательств, высказав лишь догадку, что выдача могла состояться после утверждения Василия II на престоле «и по возвращении в кнг. Софии Витовтовны из шемякина плена, в 1447 или 1448 гг.».

Село Мордаш (Мордош) находилось в Суздальском уезде. В отличие от Омутского оно не упоминается в жалованной грамоте Василия и Федора Юрьевичей 1445—1446 гг. на суздальские села.⁸² Поэтому ранняя датировка грамоты Василия II и Софьи (1444—1445 гг.) менее вероятна, чем поздняя (1447—1448 гг.). Видимо, грамота составлялась в тот период, когда Суздаль принадлежал Федору Юрьевичу Шуйскому, вследствие чего великий князь и его мать выдавали грамоту не как суздальские суверены, а как частные лица.

Кажется, при Федоре Юрьевиче шла довольно острая, хотя и не вполне явная борьба между Василием II и Шемякой за преобладающее влияние в Суздале. В борьбе с Шуйскими и Шемякой Василий II пытался ослабить поддержку Шуйских Спасо-Евфимьевым монастырем, ставшим их придворной «богомольей». Этой цели служил вклад в монастырь села Мордаш, данного по душам князей той ветви нижегородско-суздальской династии, которая сошла с политической арены. Окружая ее ореолом древности и легитимности, устанавливая обязательность поминания князей, представлявших вчерашний день Суздальского княжения, в придворной «богомолье» Шуйских, Василий II явно подрывал политический престиж правящей Шуйской династии.

Шемяка действовал сходными методами, но его поступки имели противоположную направленность. Тем, что он как бы заново давал монастырю село Омутское, Шемяка перечеркивал значение Марьиного дара, благодаря чему сопровождавшее Шемякин «вклад» требование поминать в Спасо-Евфимьеве мона-

⁷⁸ АСЭИ, т. I, № 176.

⁷⁹ АСЭИ, т. II, № 444.

⁸⁰ Там же, № 443.

⁸¹ А. А. Зимин. Актовые подделки Троице-Сергиева монастыря 80-х годов XVI в. Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского, М., 1961, стр. 250—251.

⁸² АСЭИ, т. II, № 448.

стыре галицких князей фактически отменяло распоряжение Марии о поминании прежней династии нижегородско-суздальских князей, которую Василий II противопоставлял Шуйским как потомкам Василия Кирдяпы.

Установление политических мотивов выдачи грамот Василием II и Шемякой подтверждает вывод, что в моменты, когда грамоты составлялись, ни тот, ни другой не владели Суздальщиной на правах государей и, следовательно, их грамоты формально играли роль частных актов.

Итак, отсутствие богословской преамбулы и формулы пожалования в четырех из пяти рассматриваемых грамот, а именно в грамотах Софьи Шуйской, Марии Суздальской, Василия II и Дмитрия Шемяки, может быть объяснено частноправовым характером этих документов. Более странным на первый взгляд кажется отсутствие изучаемых компонентов формуляра в данной грамоте князя Александра Ивановича 1426—1433 гг. на с. Троицкое в Суздальском уезде. Однако нужно учесть два обстоятельства: во-первых, от второй половины 20-х—начала 30-х годов XV в. не дошло никаких правительственных актов Александра Ивановича; во-вторых, в 30-х годах жалованную иммунитетную грамоту Спасо-Евфимьеву монастырю выдал Василий II, правда, не на суздальские, а на гороховецкие земли,⁸³ грамоту же на соседние с Гороховцом мещерские владения монастырь получил еще в 1425 г. от Василия I.⁸⁴

Возникает вопрос, стал ли князь Александр Иванович полноправным суздальским сувереном после смерти своего отца Ивана Борисовича? И. А. Голубцов предполагал, что князь Александр Иванович «в какие-то годы владел Суздальщиной на правах подручного в. кн. Вас. Васильевичу князя».⁸⁵ Вероятно, данную грамоту на с. Троицкое он выдал в частном порядке.

Таким образом, опущение богословской преамбулы в спасо-евфимьевских грамотах первой половины XV в. во всех случаях связано с отсутствием у лица, выдавшего грамоту, верховной власти в отношении территории (княжения), где находился объект вклада. Это правило позволяет уточнить время, с которого прекращается включение богословской преамбулы в спасо-евфимьевские грамоты по другим причинам (см. стр. 97). Установив частноправовой характер грамоты Василия II и Софьи Витовтовны на с. Мордаш и грамоты Дмитрия Шемяки на с. Омутское, мы должны признать отсутствие в них богословской преамбулы непоказательным для эволюции жалованных грамот, ибо рассмотренные вкладные не были вообще грамотами жалованными. Беря только грамоты, содержащие формулу пожалования, легко заме-

⁸³ Там же, № 439; ср. АСЭИ, т. I, № 94, 95.

⁸⁴ АСЭИ, т. II, № 437; ср. АСЭИ, т. III, № 299.

⁸⁵ АСЭИ, т. II, стр. 566.

тить систематический отказ от употребления богословской преамбулы в великокняжеских грамотах начиная с 1451 г.⁸⁶

Применение богословской преамбулы типа Сп₁ в двух спасо-ярославских грамотах 1463—1478 гг. нельзя считать результатом сознательного возрождения преамбулы спасо-евфимьевских грамот. Тождество спасо-евфимьевской и спасо-ярославской преамбул типа Сп₁ — простое совпадение, вызванное одинаковостью посявитительного имени суздальского и ярославского монастырей.

От периода до 1463 г. сохранилось всего три грамоты Ярославскому Спасскому монастырю. Самая ранняя из них — 20-х годов XIV в.⁸⁷ — выше упоминалась: в ней фигурируют формула докончания («докончал есмь») и формула пожалования («пожаловал есмь»), но нет богословской преамбулы (возможно, из-за наличия формулы докончания) (см. стр. 83—84, 98). В данной грамоте 1392 г. ярославского князя Константина Глебовича (Шаха)⁸⁸ отсутствует формула пожалования (есть только формула «дал»), чем соблазнительно объяснить и отсутствие богословской преамбулы (другая грамота 1392 г. — частного лица).⁸⁹

Все остальные акты относятся к периоду после 1463 г., когда Ярославское княжество было присоединено к Москве, хотя внутри присоединенной территории продолжали существовать отдельные мелкие уделы, владельцы которых время от времени выдавали жалованные грамоты. Из 11 дошедших жалованных грамот, полученных Спасским Ярославским монастырем в 1463—1498 гг.,⁹⁰ Ивану III принадлежит пять грамот,⁹¹ его матери великой княгине Марии Ярославне — одна,⁹² местным князьям — пять.⁹³ Все пять грамот Ивана III чисто иммунитетные. Они содержат формулу пожалования («пожаловал есмь» или «пожаловал есми»⁹⁴) и не имеют богословской преамбулы. Та же картина в иммунитетной грамоте Марии Ярославны, но в ней перед текстом помещена символическая инвокация (крест).⁹⁵ Данно-иммунитетные грамоты князей Федора Ивановича Юхотского 1463—1478 гг.,⁹⁶ Юрия Константиновича (Шаховского) 1460-х—1470-х годов,⁹⁷ Ивана Константиновича (Льяловского) и его матери Аксины

⁸⁶ Там же, № 452—453 и др. (см. стр. 90, прим. 43).

⁸⁷ АСЭИ, т. III, № 190.

⁸⁸ Там же, № 191.

⁸⁹ Там же, № 192.

⁹⁰ В подсчет входят жалованные грамоты в собственном смысле слова, указные сюда не включаются. За последние годы княжения Ивана III (1499—1505) спасских жалованных грамот нет.

⁹¹ АСЭИ, т. III, № 195—197, 204, 216.

⁹² Там же, № 203.

⁹³ Там же, № 194, 198, 201, 205, 207.

⁹⁴ Просто «пожаловал» (без «есмь» или «есми») читаем только в одном тексте, сохранившемся в качестве «включенного акта» в составе грамоты 1562 г., дошедшей в списке XVIII в. (АСЭИ, т. III, № 204).

⁹⁵ Грамота сохранилась в подлиннике.

⁹⁶ АСЭИ, т. III, № 201.

⁹⁷ Там же, № 205.

1478 г.⁹⁸ не пользуются ни формулой пожалования, ни богословской преамбулой, ни символической инвокацией (эти акты дошли в подлинниках). Интитуляция и инскрипция связаны здесь формулой «дал» или «дали». Употребляющие богословскую преамбулу грамоты Данила Васильевича (Ярославского) 1463—1469 гг.⁹⁹ и Федора Романовича Ярославского 1463—1478 гг.¹⁰⁰ чисто иммунитетные. Обе оперируют формулой пожалования («пожаловал есмь»). О наличии в них символической инвокации уже говорилось.

Невключение богословской преамбулы в грамоты князей Федора Ивановича, Юрия Константиновича и Ивана Константиновича можно объяснить отсутствием в их протокольно-диспозитивной части формулы пожалования и парализующим влиянием частноправовой формулы «дал». Очевидно, несмотря на существование в каждой из этих грамот ряда иммунитетных статей, сформулированных негативно, определял построение начальной части документов факт дачи земли, декларируемый в первом разделе диспозиции. Представление о даче земли как частной сделке, даже когда такая дача сопровождалась фиксацией иммунитета, было, конечно, главной помехой для использования сугубо публичноправовой по своему назначению богословской преамбулы.

То обстоятельство, что в двух чисто иммунитетных грамотах ярославских князей богословская преамбула не попала на первое место, а вклинилась между интитуляцией и формулой пожалования,¹⁰¹ — показатель недостаточной развитости этого компонента формуляра в ярославских грамотах. Но, думается, именно удаленность богословской преамбулы от начала грамоты обусловила здесь, как и в отроческих грамотах, возможность сосуществования богословской преамбулы и инвокации (в отроческих грамотах — словесной, в ярославских грамотах — символической).

Сравнивая чисто иммунитетные грамоты ярославских князей Спасскому Ярославскому монастырю второй половины XV в. с чисто иммунитетными грамотами Ивана III и Марии Ярославны того же периода и тому же монастырю, мы видим при наличии тут и там формулы пожалования употребление богословской преамбулы в грамотах местных князей и полное игнорирование ее в великокняжеских грамотах. Значит, местные князья и после 1463 г. продолжали искать более или менее равноправного сюзеренно-вассального союза с крупнейшим ярославским монастырем, в то время как великокняжеская политика,

⁹⁸ Там же, № 207.

⁹⁹ Там же, № 194.

¹⁰⁰ Там же, № 198.

¹⁰¹ Ср. аналогичное расположение преамбулы в отроческих грамотах 1362—1364 и 1435—1437 гг. и в грамоте Василия I 1405—1415 гг. Спасо-Евфимьеву монастырю (АСЭИ, т. III, № 116, 117, 481).

ушедшая в своих централизаторских методах далеко вперед, уже не прибегала к этому устаревшему приему (ср. стр. 97).

Рассмотрение богословских преамбул других типов, которым автор намеревается посвятить особое исследование, покажет, насколько общими были выясненные в данной статье пути развития богословской преамбулы.

Б. М. КЛОСС

О СОСТАВЕ КОПИЙНОЙ КНИГИ МОСКОВСКОГО МИТРОПОЛИЧЬЕГО ДОМА

Книга копий актов на земельные владения московской митрополичьей кафедры дошла до нас в рукописи Син. № 276.¹ Сборник, согласно палеографическому описанию А. Д. Седельникова,² состоит из следующих частей: л. 1—369 относятся ко второй четверти и середине XVI в., причем пустые листы заполнены приписками второй половины того же столетия; л. 371—389 написаны почерками конца XVI или начала XVII в., далее идет скоропись, а с л. 419 — полуустав 20—40-х годов XVII в.

Древнейшую часть сборника, следовательно, составляют л. 1—369. О времени возникновения этой древней копийной книги высказал мнение еще С. Б. Веселовский: «Книга списков различных земельных актов (митрополичьего дома) с конца XIV в. по 7045 г., составлена около 1538 г. Позже к ней приписано 7 актов 1547—1600 гг.»³ Издатель памятника Л. В. Черепнин считает, что сборник был начат при митрополите Данииле (в конце его правления), в основном закончен к середине XVI в., а впоследствии неоднократно дополнялся на протяжении второй половины XVI—первой половины XVII в.⁴ Систематизацию архивного актового материала митрополии Л. В. Черепнин связывает с писцовыми описаниями, предпринятыми вслед за смертью Василия III и Елены Глинской, в начале боярского правления. С датировкой основного текста копийной книги 30-ми годами XVI в. согласен также А. А. Зимин.⁵

¹ Текст издан Л. В. Черепниным: АФЗХ, ч. I, М., 1951; ч. III, М., 1961.

² См. каталог Синодального собрания в Государственном Историческом музее.

³ С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936, стр. 69.

⁴ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М., 1951, стр. 35.

⁵ А. А. Зимин. К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв. Тр. Моск. гос. ист.-арх. инст., т. 17, 1963, стр. 401. Правда, в лекциях по русской дипломатике, читанных в Историко-архивном институте (с содержанием которых с любезного разрешения А. А. Зимины мы познакомились), высказано мнение о составлении митрополичьей копийной книги в середине 20-х годов XVI в.